

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ В I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. Н.Э.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИХ ПРИЧИНЫ

Яков Риер
Могилев, Беларусь

В средневековой Европе сложились три основные формы (модели) общественной организации. На Западе, в ареале германского расселения, в том числе бывших римских провинциях сформировались сеньориальные порядки, основанные на обособленных земельных владениях, выросшие из аллодиальных крестьянских хозяйств начала средневековья. В Центральной и Восточной Европе – зоне славянского расселения – первоначально господствовала сплоченная община без фиксированных крестьянских держаний, замедлявшая выделение знати. С начала II тыс. западнославянские элиты восприняли западноевропейские сеньориальные порядки. Восточнославянское общество намного дольше сохраняло патриархальные формы землепользования. Причины различий видятся, прежде всего, в особенностях природных условий и климата указанных регионов Европы. На западе и, отчасти, в центре континента географические условия позволяли обеспечивать основные потребности индивидуальным (семейным) трудом, на востоке требовались для того же коллективные усилия объединенной общины.

Ключевые слова: крестьянские хозяйства, аллод, община, цивилизации, географическая среда, знать

Как известно, германское крестьянство, в общей массе, вступило в средние века разделенным на усадьбы-домохозяйства. Такие усадьбы, причем нередко с четко очерченными полями фиксируются археологическими источниками на германском побережье Северного моря уже в начале I тыс. н.э. (а на территории Дании и даже III в. до н.э.) Со II-III вв. н.э. в этом регионе на исследованных поселениях уже довольно четко выделяются отдельные дворы, что свидетельствует о начале генезиса германской общины-марки [1, с.35; 2, С. 197–199; 5, S. 136; 6, S. 110]. К сожалению, такой четкой информации нет о более южных регионах германского расселения. Но о практике наделения крестьянских семей земельными наделами сообщает в конце I в. н.э. Тацит. И в целом, общее направление развития германской общины к аллодам, юридически оформленным к середине I тыс., например, у франков по Салической правде, позволяет констатировать индивидуализацию хозяйственной жизни среди германцев уже с начала новой эры, причем не только к западу, но и к востоку от Рейна.

В процессе захватов римских провинций германские общины превращались в объединения самостоятельных хозяйственных субъектов. Тогда же происходило и юридическое оформление частновладельческих прав на наследственные наделы – аллоды. Влияние римского законодательства на этот процесс несомненно. Но ведь далеко не все народы, сталкиваясь с римлянами, воспринимали их законодательные нормы в

таким существенном вопросе, как земельный. Германцы же своим хозяйственным и социальным опытом оказались готовыми органично принять античное право собственности, ставшее в дальнейшем краеугольным камнем особой западноевропейской цивилизации.

К востоку от германского расселения, на обширных просторах лесов и лесостепей, от верховьев Вислы и на восток до Среднего Днепра, где в раннем средневековье сформировался славянский этнический массив, хозяйственное и общественное развитие при отсутствии античного влияния шло естественным путем. На всей территории славян долго сохранялись сильные общины, препятствовавшие появлению аллода. Обследованные археологами западнославянские поселения вплоть до конца I тыс. демонстрируют наличие единого хозяйства больших семей, а начало обособления индивидуальных крестьянских дворов там относится лишь к X–XI вв. [2, С.190–191].

Долгое сохранение верховенства общины в поземельных отношениях ограничивало у славян права на землю возникавшей с VIII в. знати, в том числе и у князей. В обществе не сложилось представление о возможности отчуждения земли отдельной семьей. Аристократия распоряжалась землей как административная и политическая власть. Но не могла, в отличие от западных сеньоров, иметь землю в личном владении и раздавать ее на таких же правах своим приближенным. То есть не складывалась вассально–ленная система. Дружинники оставались при княжеских дворах и не могли превратиться в особое военно–служилое сословие. Поэтому в ранних государствах, которые стали возникать в IX–X вв., великоморавские князья, Пржемысловичи, Пясты, Рюриковичи, в отличие от элит Западной Европы, оказывались не только самыми крупными землевладельцами в своих владениях, но и единственными. Они имели право распоряжаться всей землей и жившими на ней людьми, но не как частные лица, а как правители. Крупное землевладение возникало по принципу кормлений, то есть, не закреплялось в наследство. В отсутствие традиций отчуждения земель в частные владения всё правящее сословие здесь жило не за счет принадлежавших ему земель с крестьянами, а за счет централизованно собиравшихся податей как особая корпорация. Крестьяне оставались лично свободными наследственными держателями земель в общинах. До X–XI вв. не складывалось и крупного частного землевладения – сеньорий. А в личных усадьбах знати работали рабы (как у франков при Меровингах). Поэтому также долго не формировалось мелкое землевладение служилого слоя – рыцарей, задерживалось их оседание на землю [4].

Но такое развитие замедляло структурирование славянских обществ – процесс формирования рыцарства – шляхты – завершился лишь в XII–XIII вв. Но у западных славян непосредственное соседство с германским миром через проникновение латинской культуры (прежде всего римского христианства и влияние рыцарства на дружинную среду в Польше, Великой Моравии, затем и Чехии) способствовало восприятию и западных общественных порядков – формированию в XII–XIII вв. замкнутых сеньорий. Однако у крестьян прочность их общинных связей оттянула закабаление до XIV–XVI вв. То есть до времен, тогда на Западе о крепостничестве уже забыли. В итоге переход на западную модель общественного устройства – сеньориальный феодализм – спустя примерно 200–300 лет сказался на всем дальнейшем развитии западнославянского региона⁶. Разные исходные уровни предопределили его отставание, не изжитое и поныне. К тому же, поскольку западноевропейские порядки проникали сюда «сверху», через правящие элиты, и оказывали лишь опосредованное влияние на ментальность широких масс населения, сохранившего некоторые раннесредневековые черты.

Территории, на которых сложилось восточное славянство, отличались еще большим своеобразием. Если у западных славян, как отмечалось, тесное соседство с западноевропейским миром с XI–XIII вв. все же привело к усилению частнофеодальных –

⁶ Об авторском понимании феодализма см.: [3, с. 5–13].

сеньориальных – порядков, восточные славяне если и испытывали внешние импульсы, то совсем иные. Здесь и опасности кочевого мира, и влияние византийских государственных традиций на формирующуюся восточнославянскую правящую элиту. К тому же малая плотность восточноевропейского населения долгое время позволяла решать возникавший в общинах земельный голод экстенсивно – освоением новых земель на севере и востоке, а не интенсификацией хозяйственной деятельности⁷. Этот, демографический фактор, отсутствовал в более плотно заселенных западославянских землях. Долго сохранявшаяся прочная коллективистская община стала основой и для формирования в дальнейшем государственного феодализма с деспотическим режимом, и для сложения позже основных отличий России от других европейских стран. Первым внешним признаком перехода Руси на иной, отличный от западных славянских соседей путь общественного развития стало и восприятие христианства в его восточном, византийском варианте.

Но после монгольского нашествия в середине XIII в. исторические пути западной части восточного славянства, расселявшегося на территориях от Днестра и Западного Буга до Днепра, и населения северо-западной и северо-восточной Руси разошлись. В то время, как Московская Русь восприняла восточные порядки, приднепровские славяне в рамках Великого княжества Литовского оказались в контактной зоне между восточноевропейской цивилизацией и центральноевропейской моделью цивилизации западной. Но сближаясь с западными соседями они начали впитывать западноевропейские цивилизационные признаки, в том виде, в каком они были восприняты Польшей, то есть опосредованно, с соответствующим хронологическим лагом.

Характерным признаком Днепровско-Днестровского региона (в рамках ВКЛ) было, например, формирование городского самоуправления западного типа, полностью отсутствовавшего в средневековой Руси. Однако, с другой стороны, крестьянский мир западной части восточных славян по своему общинному укладу мало отличался от великорусского. И конфессионально этот регион был един с восточным. Драматичная история Речи Посполитой в итоге, уже в новое время привела к тому, что приднепровские славяне оказались в лоне восточноевропейской (русской) цивилизации.

Проникавшие «сверху» порядки так и не стали за почти 500 лет существования ВКЛ и Речи Посполитой органичными для населения указанных регионов Восточной Европы. Очевидно, сказалась территориальная, историческая (общее происхождение и прошлое), культурная (языковая и конфессиональная) близость с более восточным – великорусским обществом. В итоге здесь сложилась своеобразная контактная зона, с двойственными цивилизационными чертами. Разрушение государственности ВКЛ на пороге нового времени явилось следствием, в том числе, и непрочности западных цивилизационных основ. Влияние восточнославянских традиций, подкрепленное авторитарным, и потому более организованным (вернее, отмобилизованным) Московским государством, оказалось сильнее. Так сказать, «ветер с востока довлел над ветром с запада». Там же, где западные нормы, пусть и ограниченные, все же успели укорениться – в Польше, Прибалтике, Финляндии – даже российское господство не ослабило западную ориентацию. Ибо там сохранилась память о нормах частной собственности и элементах гражданского общества.

Таким образом, развитие Восточной Европы в средние века отличалось разнообразием. Гомогенным у восточных славян оно было лишь в раннем средневековье, в рамках так называемого древнерусского общества.

⁷ Можно вспомнить и восточнославянское расселение в IX–XIV вв. на север и северо-восток, вплоть до Белого моря, и казачество более поздних времен. Такая постоянная колонизация, кстати, сглаживала социальные проблемы в крестьянской среде, ибо, как всегда, насиженные места покидали наиболее активные люди и их сообщества.

Такими видятся региональные особенности средневековой истории населения Центральной и Восточной Европы. Основополагающая причина этих особенностей и различий видится в природных условиях нашего континента. Несмотря на известные климатические колебания 2-х последних тысячелетий зональные особенности континента сохраняли определенную постоянство. Прежде всего – в наличии так называемой январской изотермы, пролегающей с севера на юг от Южной Скандинавии до Венецианской лагуны. К западу от нее температура января редко опускается ниже 0 градусов Цельсия – сказывается близость Атлантики. К востоку климат континентальнее – зимы более продолжительны и суровы, что, понятно, существенно влияло, как и теперь, на время полевых работ и заготовок на зиму.

К тому же регион первоначального обитания древних германцев: Южная Скандинавия и низовья Рейна – Эльбы – Одера характерен мелкоконтурностью и расчлененностью большей части сельскохозяйственных угодий: небольшими долинами, окруженными каменистыми залесенными возвышенностями в Южной Швеции, невысокими всхолмлениями среди заболоченных низин на южном побережье Балтики и Северного моря. Такие ландшафтные условия, а также умеренный атлантический климат способствовали раннему дроблению общинных угодий на постоянные семейные наделы. То есть известная рыхлость германской общины – марки, имеет, прежде всего, природную обусловленность. Представляется, что эта ее специфика во многом предопределила пути дальнейшего развития всего региона германского расселения. Такая природная и историческая среда объективно не требовала политической централизации: после разгрома венгров Оттоном I не было и опасности нашествий кочевников, что постоянно довлело над восточными землями континента.

Как результат, в отсутствие потребности к централизации формировалось стремление семей–домохозяйств самостоятельно (в рамках местных территориальных, общинных связей) создать гарантии своим имуществам от сторонних посягательств. Так германском мире сформировались частные земельные права на землю. Так было и у древних греков, у которых также, из-за рельефа, преобладали мелкоконтурные угодья и большую роль играл морской промысел, который, в силу своей организации носил индивидуальный, частный характер. В обоих случаях природные условия определили типы и хозяйственных порядков, и социальных отношений.

В дальнейшем на западе континента сочетание германских и античных представлений создало специфическую смесь корпоративности и сословной замкнутости с представлениями об индивидуальных правах и частной собственности. На этой основе происходило бурное развитие экономически самостоятельных городов в средневековой Западной Европе, что предопределило интенсивные преобразования феодальных порядков, быстрое, относительно других регионов, их изживание и формирование предпосылок для развития рыночной экономики. Одновременно происходило складывание гражданского общества, первым шагом к которому стали сословно-представительные собрания. Слабость государственной власти, в свою очередь, была порождена тем, что военно-служилое сословие, формировавшееся для поддержки монархов, опережало их в подчинении крестьян.

Причины прочности общинных связей у славян лежали также в особенностях природной среды: более континентальный, чем на западе континента климат с меньшей продолжительностью теплых дней в году. Отсюда – при естественной меньшей плотности населения – потребность в коллективном, совместном труде, особенно при подсечно-огневом земледелии. При этом ландшафты, в отличие от германского ареала, не разграничивали угодья отдельных семей, позволяли большим семейным общинам сохранять общее землепользование и совместный труд в общинах. Климат, особенно в восточнославянском ареале, требовал и дополнительных энергозатрат для обеспечения жизнедеятельности людей. Период сельскохозяйственных работ здесь составлял 5-6 месяцев против 8 месяцев в Западной Европе. Соответственно, здесь дольше, чем на Западе, и при более низких температурах зимовал скот, требовались дополнительные

ресурсы для отопления и утепления, обзаведения теплой одеждой и т.п. Необходимость приложения максимальных усилий при аграрных работах в течение короткого времени (из-за частых ранних холодов и поздней весны) консервировала длительное сохранение коллективного труда, традиции «артельности», крестьянских «помочей», «толоки», то есть прочные общинные связи.

Дальнейшее развитие континента вытекало из указанных исходных природно-географических особенностей, определивших исторические судьбы его народов вплоть до нашего времени.

1. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции/ Я.Мелин, А.В.Юханссон, С.Хеденборг. – М. 2002.
2. Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным/ Я.Г.Риер. – Могилев. 2000.
3. Рыер Я.Р. Да сучаснага разумення паняцця “феадалізм”/ Я.Р.Рыер// Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 1.
4. Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья/ Д.Тржештик// Этносоциальные и политические структуры раннефеодальных славянских государств и народностей. – М.,1987.
5. Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin/ P.Donat. 1980.
6. Gringmuht-Dallmer E. Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf der Territorium der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Siedlungsgebiete/ E.Gringmuht-Dallmer. – Berlin, 1985.